

ЛИНГВИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА LITERARY TEXT LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482

EDN: LZNZYS

УДК 811.161.1'373.612.2:82-14

Научная статья / Research article

Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения

Л.Н. Синельникова

Луганский государственный педагогический университет,
91011, Российская Федерация, г. Луганск, ул. Оборонная, 2

✉ prof.sinelnikova@gmail.com

Аннотация. В основе статьи лежит доклад, прочитанный на заседании круглого стола «Язык как искусство», посвященного 90-летию со дня рождения замечательного лингвиста Л.А. Новикова, труды которого по проблемам языкового значения, эстетическим аспектам языка получили широкое признание и вошли в золотой фонд филологической науки. Выбор темы исследования методологически согласован с концепцией словесного искусства Л.А. Новикова, концентрированно представленной в термине «поэтема». Эмотивы (лексика, называющая, выражающая и описывающая эмоции) можно отнести к классу поэтам, поскольку процесс вербализации эмоций в поэзии связан с их эстетической трансформацией. Описание эмоций проведено по нескольким направлениям, каждое из которых значимо для понимания специфики вербализации эмоций в стихотворении. Новый аспект рассмотрения поэтической семантики эмотивов автор связывает с влиянием грамматического значения наклонения глагола на иллокутивную функцию вербализованных эмоций, участвующих в волеизъявлении. Кроме того, повелительное наклонение и инфинитив акцентируют семантику экстравертности (эмоции для других и для себя), сослагательное наклонение интравертно (эмоции для себя). Внимание к сопровождающим эмотив неопределенным, указательным, отрицательным и притяжательным местоимениям позволило получить дополнительные сведения о контекстных свойствах эмоций. Показано, что метафорические ряды эмоций организуют личностный ментальный образ мира поэта. Базовые поэтические эмоции, выявленные по факту аттрактивности (взаимное притяжение, сближение), имеют отношение к русской ментальности в целом. Комплекс рассмотренных проблем значим для наполнения содержанием формирующегося понятия «эмоциональная картина мира».

Ключевые слова: эмотив, эмотивный анализ, эмотивная метафора, эмоциональная картина мира, ментальность, грамматика поэзии

© Синельникова Л.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи:

Дата поступления: 01.10.2022

Дата приема: в печать: 15.12.2022

Для цитирования:

Синельникова Л.Н. Эмоции в ментально-языковом пространстве лирического стихотворения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2023. Т. 14. № 2. С. 466–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482>

Emotions in the Mental and Linguistic Space of Lyric Poems

Lara N. Sinelnikova

Lugansk State Pedagogical University,
2, Oboronnaya str., Lugansk, Russian Federation, 91011

✉ prof.sinelnikova@gmail.com

Abstract. The article is based on a report given in course of the round table meeting 'Language as an art', dedicated to the 90th anniversary since the birth of the outstanding linguist L.A. Novikov, whose reknown works on the issues of linguistic meaning and the aesthetic aspects of language have attracted wide critical acclaim and become a valuable part of philology as a science. The choice of the topic is methodologically adjusted to L.A. Novikov's conception of verbal arts, which is succinctly represented in the term 'poetheme'. Emotives (vocabulary that names, expresses and describes emotions) can be categorised as poethemes, since the verbalisation process of emotions in poetry is related to their aesthetic transformation. The description of emotions in the article is conducted in multiple directions, each of which is significant in order to understand the specifics of the verbalisation of emotions in poems. The author relates the new aspect of viewing the poetic semantics of emotives to the influence of the grammatical meaning of the verb mood on the illocutionary function of verbalised emotions that take part in the declaration of intent. Besides, the imperative mood and the infinitive accentuate the extravert semantics (emotions for others and for oneself), the subjunctive mood being introvert (emotions for oneself). Additional information regarding the contextual features of emotions could be acquired through the emphasis on the indefinite, demonstrative, negative and possessive pronouns, which accompany emotives. The article demonstrates that metaphorical rows of emotions organise the personal mental image of the poet's world. Basic poetic emotions, established due to the fact of attractiveness (mutual attraction, approach), are related to Russian mentality as a whole. The range of problems dealt with in the article is significant to filling the forming term 'emotional picture of the world' with content.

Keywords: emotive, emotive analysis, emotive metaphor, emotional picture of the world, mentality, grammar of poetry.

Article history:

Received: 01.10.2022

Accepted: 15.12.2022

For citation:

Sinelnikova, L.N. (2023). Emotions. in the Mental and Linguistic Space of Lyric Poems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(2), 466–482. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-2-466-482>

Введение

Ценностно-интенциональная согласованность представленных материалов с концепциями искусства слова Л.А. Новикова естественна: труды ученого зафиксировали научный ренессанс конца 80-х — 90-х годов XX века и вошли в список источников, знакомство с которыми определяет уровень профессиональности филолога. Приведем показательную для мышления и стиля Л.А. Новикова цитату: «Мир слов — многообразен, интересен, увлекателен и еще до конца не разгадан: он так же неисчерпаем, как космос, вселенная. Возьмем хотя бы литературу: какая бездна глубоких мыслей, идей, образов и эмоций! И все это из слов, тех обычных и, казалось бы, ничем не приметных слов, которые выстроились по алфавиту в словаре, ожидая, когда писатель призовет их и заставит сверкать в своих произведениях всеми цветами смысловой и эмоциональной радуги, вдохнет в них жизнь», — так проникновенно, с любовью к слову, к русской литературе писал Лев Алексеевич Новиков в предисловии к книге «Искусство слова» [1]. Книга вышла в серии «Ученые школьнику», но уже в этой цитате есть триггер (импульс, переключатель) в виде метафоры «смысловая и эмоциональная радуга», которая в проекции на поэзию может быть образным аналогом научного понятия «ментально-языковое пространство».

В работах Л.А. Новикова были заложены живые, готовые к развитию в новых парадигмальных условиях, «ростки». Значительная часть изданной в 2021 году статьи В.В. Фещенко «Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории» [2] отсылает к деятельно-коммуникативной концепции словесного искусства Л.А. Новикова, представленной во 2-м томе избранных трудов ученого [3]. Автор статьи не просто напоминает об исследованиях Льва Алексеевича, а вводит его идеи в контекст мировой науки, сопоставляя имя Л.А. Новикова с именами Г. Фреге, Ч. Пирса, Г. Шпета, Я. Мукаржовского, Р. Якобсона, Ю. Лотмана, А. Потемби У. Эко.

Лингвоэстетическая теория Л.А. Новикова остается современной и востребованной во множестве методологически важных позиций: в подходе к искусству как «не только художественному познанию и моделированию мира, но и особого рода эстетической коммуникации» [3. С. 21] — это то, чем занимаются исследователи когнитивной поэтики и рецептивной эстетики; художественное значение отличается от общеязыкового сильным модальным (эстетически оценочным) компонентом, который «создается в тексте за счет взаимодействия с семантикой других слов и присущ данному слову именно как результат такого взаимодействия» [3. С. 49] — направленность на изучение единиц языка не в изолированном состоянии, а в их контекстуальных связях. Ряд такого рода проекций может быть продолжен. Инвариантную единицу языка как искусства Л.А. Новиков назвал поэмой. Поэтическую образность

аргументированно соотнес с приемом остраннения (необычного, странного для «практического языка» выражения — термин В.Б. Шкловского), который получил у Л.А. Новикова четкую характеристику: остраннение — инвариант образности.

На множестве примеров из художественной литературы Л.А. Новиков подтвердил, что остраннение может быть «положено в основу всей образности как общий приём» [3. С. 70]. Поэтема в таком ее понимании имеет безусловное отношение к эстетическим эмоциям, которые вызывает поэзия, и «остраненные» структуры, рождающие эффект новизны, входят в эмоциональную картину мира.

Креативный потенциал остраннения рассматривается в статье М.Л. Новиковой [4]. Автор по принципу дополнительности сохраняет основные характеристики отстраненного знака, но расширяет интерпретацию в условиях «когнитивно-дискурсивной парадигмы»: от отстраненного слова к отстраненному высказыванию и далее к структуре образного компонента всего текста.

Новые подходы обнаруживают продуктивность феномена «остраннение». Участники Международного круглого стола «Удивление от текста: остран (н) ение в аспекте когнитивной прагматики» (МГУ, 29 марта 2021 года) акцентировали внимание на остраннении как способе познания через переживание неожиданного, в том числе в виде «удивляющих структур языка», которые удерживают внимание на текстовом объекте [5]. Поэтема соотносима с «удивляющими структурами языка», и в этом качестве естественно ее вхождение в типологическую матрицу остраннения.

Идентификационные признаки поэтем определяются на разных основаниях. Поэтемы могут быть инструментом анализа творчества одной личности [6] и обеспечивать типологический подход, позволяющий систематизировать эмпирический материал, извлеченный из произведений разных авторов. Такой подход позволяет представить обобщенные модели, на фоне которых выявляются закономерности в организации стихотворных текстов и намечаются перспективы сравнительного анализа идиостилей. Эмпирическая типология фиксирует признаки поэтем и, соответственно, создает возможности для их интерпретации.

Поэтемы, организующие эмоциональную сферу, относятся к числу сложных и трудно квалифицируемых, как и сами эмоции. Выбор и группировка материала в статье обусловлены стремлением расширить представление об эмоциональном регистре поэзии через категоризацию эмотивов. Применен метод группировки поэтем-эмотивов по нескольким параметрам: грамматическому, тропеическому, звукословесному. Метод групп согласуется с методологическим принципом инвариантности, и эмпирическая валидность в этом случае понимается как валидность по отношению к обозначенному критерию.

О ментально-языковом пространстве и эмоциональной картине мира

История формирования теоретико-познавательной категории «ментально-языковое пространство» связана с именами зарубежных и отечественных исследователей, таких как Ж. Фоконье, Дж. Лакофф, М. Тернер; В.Б. Касевич, А. Вежбицкая, Е.С. Кубрякова, Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.В. Колесов, Л.Г. Бабенко, Л.Я. Буянова, Л.В. Балашова и др. Различия в характеристике сложного понятия неизбежны (конкуренция теорий и научных парадигм — системно-структурной и антропоцентрической; применение разных наукометрических методов; мера привлечения эмпирического материала и др.), но есть и единство в понимании того, что ментальные пространства и отношения между ними организует и транслирует язык и что вербальные выражения обуславливаются экстралингвистическими факторами разной природы.

В русле заявленной темы ментальность можно квалифицировать как способ видения мира, в котором мысль не отделена от эмоций. Это зафиксировано в пушкинском «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать» и в определении поэтического мастерства П.А. Вяземским: «Уменье чувствовать и мыслить нараспев». Поэзия — это универсум эмоций, поэт — мощная эмоциональная личность. «Чувствующая мысль» лежит в основе научного обоснования эмоциональной картины мира — мира, воспринимаемого и оцениваемого сквозь призму человеческих эмоций. Эмоциональная картина мира, по мнению В.И. Шаховского, — вариант и фрагмент языковой картины мира, результат эмоционального осмысления мира языковой личностью и языковым сообществом [7].

Терминологическая конвенция относительно эмоциональной картины мира отсутствует, но ряд важных понятий получил толкование. *Эмотиология* — лингвистика эмоций, наука о вербализации эмоций. Основу теории эмотиологии составили исследования Волгоградской научной школы эмотиологов во главе с В.И. Шаховским. По мере развития этой области знания утверждался междисциплинарный подход к описанию эмоций: социокультурный, психофизиологический, экологический и др. [8].

В русле междисциплинарного подхода определяется теоретический инструментарий эмотиологии: *эмотивность* — отражение эмоционального мира человека в семантике языковых единиц, интегрированных в тексты; *эмотивный* — связанный с эмоциональной сферой; *эмотивы* — языковые средства (преимущественно лексика эмоций и эмоциональные концепты), выражающие и описывающие эмоции. *Эмотивный анализ* — рассмотрение присутствия эмоции на всех уровнях поэтического текста — фонетическом, лексико-морфологическом, синтаксическом, ритмико-интонационном, интеграция которых характерна для методологии текстоцентричной и когнитивно-дискурсивной парадигмы [9].

Лирика демонстрирует максимально проявленную природную потребность человека в эмоциональном насыщении. Эмоции в поэзии выполняют «миссионерскую» роль: через их посредство поэт соединяют материальный и духовный мир, но процесс такого соединения зависит от множества причин: литературного направления, жанра, индивидуального стиля поэта и др. Показательны размышления Наума Коржавина о том, что поэтов «золотого» XIX века отличала «непосредственная, сама собой разумеющаяся и не вызывающая у них никаких сомнений уверенность как в ценности, реальности и высоте духовного начала вообще, так и в своей безусловной причастности к этому началу», поэты «серебряного» века должны были доказывать себе и другим свое отношение к высоким духовным чувствам» [10. С. 104]. Если продолжить заявленный поэтом критерий, можно утверждать, что поэты 2-й половины XX века, на примеры из которой мы далее будем ориентироваться, вынуждены просить о духовности, призывать к высоким чувствам и говорить об опасности духовных потерь.

Эмотиология и грамматика: взаимное обогащение

Эмотивная природа поэтического текста проявляется на разных уровнях, в том числе — на грамматическом. Поэтическая морфология, поэтический синтаксис имеют общее название — «грамматика поэзии». Введению эмотивов в социальный контекст способствует семантика грамматической категории наклонения.

Носителем грамматической суггестии (установки на воздействие, убеждение) является повелительное наклонение. В лирике утвердился ряд грамматических моделей представления эмоций, фиксирующих самоустрашение лирического героя от «присвоенной», то есть лично переживаемой эмоции, что было характерно для поэзии XIX и начала XX века, и утвердилось желание обратить внимание на важность эмоций для существования человека как личности и гражданина. Эта позиция привела к повышению степени дидактичности и морализаторства, своеобразному «навязыванию» эмоций. Семантика волеизъявления, носителем которого является повелительное наклонение, органично связана с прагматикой речевой деятельности и имеет возможность проявить в поэтической коммуникации все оттенки волеизъявления: побуждение, желание, необходимость, ответственность. Призыв культивировать определенные эмоции поэт обращает к другим и к себе одновременно:

Иди дорогою любви / По солнечному кругу / И не назло врагу живи / — Живи на радость другу! (М. Дудин). *Забудь на время о покое. / К нему дорога заперта. / Смотри, ведь время-то какое: / Преображенье, стройка, взлёт* (В. Казанцев). *Иди, иди, иди, иди, / Не мучайся обидой, / Ты на счастливец не гляди, / Ты сам себе завидуи* (В. Шефнер).

Если в художественной прозе императивные конструкции есть основания оценивать в контексте речевого поведения языковой личности персонажа [11], то в поэзии императив приобретает особые свойства, поскольку по закону лирического жанра (для себя и для всех) относится и к самому поэту, и к гипотетическому читателю.

Характерное для поэзии XIX–XXI веков «инфинитивное письмо» (А.К. Жолковский) проявляет особый тип амбивалентности, предоставляя читателю выбрать *я-эмоцию* и (или) *мы-эмоцию*:

Ток по проволоке струится, / Спутник ходит по небесам... / Человеку стоит дивиться / человеческим чудесам (В. Шефнер). *Нет времени друг друга пожалеть, / от несчастья от чужого ошалеть* (Ю. Левитанский). *Сникерснуть / Сделать паузу — скушать Твикс / Оттянуться по полной / Почувствовать разницу* (Т. Кибиров).

В стихотворении с «инфинитивной доминантой» [12] могут размещаться ряды лексических эмотивов разнообразной семантики:

*Владеть всем тем, что нам дано,
Чем человек богат и чуток!
Не опускаться до того,
Чтобы руководил рассудок!*

*А отдаваться тем земным,
Слепым, глухим и безрассудным
Желаньям — тем, что мы храним
Наперекор понятиям скудным, —*

*Любви, сочувствию, слезам,
Прощенью, отвращенью к крови.
Все это, относясь к азам,
Естественно в своей основе.*

(Д. Самойлов)

Грамматическое значение сослагательного наклонения позволяет совместить в эмотиве желание испытать эмоциональное состояние и трудность или даже невозможность реализовать такое желание: *Я мог бы стать нежней / рыдающих берез / в лесоповале дней... Да не хватает слез* (Г. Горбовский). *Для веры мне б еще тоски, / еще отчаянья немного* (О. Хлебников).

Особый когнитивно-психологический ракурс оценки эмоционального состояния представлен в структурах антиципации. Если в психологии антиципация трактуется как упреждение действия [13], то для поэтического эмотива подходит другая трактовка: предугадывание, предвосхищение эмоций, их напряженное ожидание:

И хочется любви с предчувствием ошибки (О. Хлебников). Но предчувствием древней беды / я ни с кем не могу поделиться; пугает предчувствием сложным и грустным; в жару предчувствия плохого (Ю. Кузнецов). Застывший крик. Предвосхищенье крика. / Блаженный миг! Предвосхищенье мига (В. Казанцев). Мотив предчувствия, предвестия / того, что двигалось сюда, / как тема смерти и воздействия / и тема Страшного суда; Повторенье дороги, предчувствие, предваренье. / Тихое настроенье, словно идёт снег (Ю. Левитанский). Это было предчувствием боли, / Как бывает у птиц и зверей (Д. Самойлов).

Обратим внимание на когнитивные отличия эмотивов, помещенных в рамки трех грамматических категорий: повелительное наклонение и инфинитив акцентируют семантику экстравертности (эмоции для других и для себя), сослагательное наклонение интравертно (эмоции для себя). Опыт познания эмоций в рамках категории наклонений важен для понимания условий реализации эмоций как в жизни, так и в тексте. В целом же «грамматические особенности поэзии (как и фонетические и лексические) возникают тогда, когда потенции языковой системы преломляются через призму сущностных свойств поэтического текста» [14. С. 55].

Местоименное сопровождение эмотивов

Местоимения оказываются семантическим (и семиотическим) «мостиком», с помощью которого осуществляется переход от грамматики языка к грамматике поэзии. Каждая группа местоимений в той или иной степени значима для эмотиологии.

Богатство функций характерно для нереферентных неопределенных местоимений, которые могут передавать неясность эмоциональных переживаний лирического героя; фиксировать ускользающее от четкого определения чувство, природа которого непонятна лирическому герою; свидетельствовать о невозможности назвать все эмоциональные переживания:

Даже дитя, велосипед / влекущее, вертя педалью, / вдруг поглядит на белый свет / с какой-то ясною печалью (Б. Ахмадулина). ... чувство тревоги и смутное чувство вины перед кем-то, кто мне неведом (Ю. Левитанский). Но сердце ощущает всё сильнее / трагическую подоснову мира. / И я чего-то напряженно жду (Е. Винокуров). Что-то щемит мою грудь, / Жалко чего-то до слез (И. Шкляревский).

Указательные местоимения сохраняют в стихотворении семантику индикатива — настоящего времени момента восприятия, проявляя при этом когнитивную гибкость в переходе от видимого к ощущаемому, от материальных сущностей к идеальным. Эмотивное поле указательности может включать разные эмоции, комплекс которых формирует эмоциогенную ситуацию, проявляющую лирического героя как субъекта, познающего мир собственных эмоций:

*А эта страсть к небесной воле,
К большой воде, где синь и мгла,
Она во мне не от того ли,
Что я когда-то, в прежней доле,
Бродячим облаком была?*

*А эта боль (не жженье пули —
В повздошье чувство остря),
Что, видно, и в меня метнули
Копье средь прочего зверья?*

*В глуши времен... А эта тяга
К огню, а слух на дальний шаг,
А вечный страх, что темь и влага,
Беда, косящая из мрака,
Вот-вот погасят мой очаг...*

(И. Снегова)

Когнитивная (познавательная) семантика отрицательных местоимений связана с несуществованием, непредставленностью чего-либо. Глобальное отрицание замыкает и охраняет пространство эмоции:

*И кто с невольною тревогой
Не слышал голоса того?
— Здесь много боли, много Бога,
А за чертою — никого...*

(Л. Владимирова)

Синтаксические и прагматические свойства конструкции «ничего кроме» в поэзии дополняются когнитивной семантикой — семантикой несуществования, заложенной в отрицательном местоимении, в пространство которого эмоция не входит, поскольку заполняет все пространство существующего:

*– В этих крепких и громких стихах
Неприятная нотка застыла.
– Но какой в них широкий размах
И какая в них твердая сила.
– Ни огня, ни лица своего.
Ни большого. Крутого размаха.
Ничего. Ничего. Ничего!
...Кроме смутного, тайного страха!*

(В. Казанцев)

*Дай Родине моей
Удачи и покоя!
И больше ничего?
И больше ничего!*

(В. Костров)

*Только русская память легка мне
И полна, как водой решето.
Но чужие священные камни
Кроме нас не оплачет никто*

(Ю. Кузнецов)

*Никто никогда не узнает,
Зачем за пустынной рекой
Свободное небо рыдает
И сводит с ума синевой*

(И. Шкляревский)

Участие отрицательных местоимений в лирическом обобщении, строящемся на алогизме, свидетельствует об их возможностях отрицать обобщая: Только одному любовь и учит, / что что она не учит ничему (В. Соколов). Не страшно — что ответа нет, / а страшно — вдруг никто не спросит (О. Хлебников). Семь небес никого не спасут / От былой и грядущей печали (Ю. Кузнецов).

Инклюзивность притяжательных местоимений проявляется в реализации стратегии «вовлечения» [15] в вариантах: *наш* как «свой круг» и *наш* как социальный объединитель:

Для поздних наших чувств / признанья не приличны (В. Костров). Пусть же слово просится все чаще, / Рвется грусть за рубежи. / Что прочней, что горестней, что слаще / нашей общности, скажи? (Л. Владимирова).

В пространстве общности «размещаются» оценочные характеристики, жизненных событий, значимых для многих, в том числе и для лирического героя:

*Ну а листья — им что, они смотрят вокруг,
Широко раскрывая глаза,
Как свободно и весело майская дышит гроза
И звенит освежающий дождик, такой молодой,
Над Отечеством нашим,
Над нашей печалью,
Над нашей бедой*

(Ю. Левитанский)

Стратегию «вовлечения» в мир эмоций реализуют вопросы-вопрошания. Вопрос с эмотивом представляет собой внутренний диалог лирического героя, его стремление разобраться в собственном мире ценностей:

Предмагазинною горою / я шла, и грустно было мне. / Свет, радость, Жизнь! Ночной порою / тебе певцу, тебе герою, / не страшно ль в этой стороне? (Б. Ахмадулина) *Что небу эти муки жданья... / сомненья жалкие... терзанья... / неразглашаемые сны?* (М. Аввакумова). *В который раз встает из праха / Всё умиротворяющий недуг / Благополучия и страха?* (Л. Владимирова). *Разве кто-нибудь станет счастливей / От строфы, сочиненной навзрыд?* (В. Резник). *Ярость ли стала кротче, кротость ли разъярилась, / жизнь ли по просьбе «Отче...» как-то остановилась?* (Ю. Кублановский).

Приведенные примеры согласуются с мнением о том, что «Местоимения, по-видимому, могут быть причислены к тем языковым средствам, которые создают каркас для вербализации ментальных категорий, выступая в качестве общих структурных элементов, скрепляющих семантическое, семиотическое и концептуальное пространства в коммуникативной и когнитивной деятельности человека» [16. С. 126].

Эмотив в метафорическом представлении: когнитивные приобретения

Когнитивная функция метафоры — представлять деятельность сознания по организации познанного и познаваемого через расширение семантических связей слов, включенных в метафорическую конструкцию. Возникновение каждой новой метафоры, в которую «упаковывается» эмоция, представляет собой когнитивное событие: метафора вербализует ментальное знание об эмоции и включается в безграничное пространство создаваемых поэтами «возможных миров». Пересечение и переплетение значений слов в метафоре создает зону образности, которая может расширяться вплоть до текста всего стихотворения. «Метафорическая истина» с позиции эпистемологии представляет собой достоверное знание о мире.

Приведем примеры эмотивных метафор у разных поэтов:

Б. Ахмадулина: *Улыбки доблестный цветок, возросший из расщелин плача, печали синяя свирель, гнев весны, осень счастья, плач нежности, пекло совести, хищность жизнелюбья.*

О. Седакова: *бич стыда, жало умиления, надежды кнут, состраданья мгла, горн состраданья, ласточка одушевления, огонь восхищения, ларчик восхищения, облако боли, свечи счастья, печали дар.*

А. Тарковский: *мешок обид, ветер страха, дерзость страсти, тревожный покой, печаль отчужденья.*

В. Шефнер: *вороны страстей, коришны зла и обмана, равнодушия ледок, звезда печали, ангел терпенья, зёрна счастья и печали, отмели темных желаний, мелкой зависти ил, отложенья умерших обид.*

М. Дудин: *клубок страстей, песня сомнений, надежды и любви раке-тодром, тоска житейской прозы.*

А. Межиров: *зависти жала, отчаянья зигзаг, ад тоски, подкова счастья.*

Ю. Кузнецов: *окровавленный узел страстей, ропот тревоги, фимиама хандры, оползни сомненья, червь сомненья, кобры любви.*

Ю. Левитанский: *золотой песок простодушья, ветер безумия, горчащая радость.*

В. Костров: *кладбище надежд, луч надежды, обиды мутные ручьи, вакханалия страха, стон последней любви, липкое равнодушие, горечь разочарованья, бескорыстная печаль, смутная печаль.*

Материал даже небольшой выборки дает основание для некоторых обобщений: проявлена амбивалентная семантика эмотива «печаль» (*печали синяя свирель, печали дар, звезда печали, бескорыстная печаль, смутная печаль*); выявлена отрицательная коннотация эмотива «страсть» (*вороны страстей, клубок страстей*); зафиксированы примеры включения эмотива в оксюморонную структуру (*тревожный покой, горчащая радость*).

Отношения между дискретностью и континуальностью эмотивов в поэзии отличаются своеобразием: эмоция может получать автономное и самодостаточное описание, но может быть актуально значимой в соединении с другой эмоцией. Аттракция (взаимное притяжение, сближение) слов-эмотивов позволяет поэтам передать некое единство разного. Причем у каждого поэта есть свой набор активных аттрактантов: *сожаление и гнев, страх и тоска, тоска и горе, любовь и гнев, стыд и боль, раскованность и испуг* (М. Дудин); *страх, тревога и печаль, счастье и вина, злоба и жалость* (А. Межиров); *страх и боль, любовь и покой, печаль и любовь* (Ю. Кузнецов); *облегченье и надежды, ликование и отчаянье, веселье и тоска, тоска и ужас, гнев и печаль, надежды, радости и боли, тревога и вина, беда и мука, праздник и мученье, мука и томленье* (Ю. Левитанский); *счастье и горе, любовь и горе, страдание и счастье, любовь и тоска* (А. Кушнер); *любовь, сочувствие и слезы* (Д. Самойлов); *скорбь и стыд* (Л. Владимирова); *бред и восторг, грусть и радость, уныние и предсчастье, совесть и боль, мука и блаженство, страдать и сострадать, любовь, беспокойство и тоска, беда и печаль, тоска и счастье, гнев и милость, тоска и нега, дерзость и угрюмость, гордость и горесть* (Б. Ахмадулина); *робость и надежда* (А. Тарковский); *нежность и рыданье, свобода и любовь, любовь и страданье, надежда и любовь, отрада и печаль, страсти и беды* (В. Костров). Устойчивая аттрактивная связь закреплена между эмоциями *тоска, горе, страх; страх, печаль, боль; любовь, печаль, тоска; грусть, радость*. В сое-

динении противоположностей, считают психологи, протекает эмоциональная жизнь человека. Когнитивно-семантические открытия в эмоциональной картине мира связаны с совместностью эмоций, с реализацией возможности порождать и обуславливать друг друга, формировать когнитивно целостный эмотив [17]. Достаточно вспомнить пушкинское: *Мне грустно и легко, печаль моя светла.*

Эмотивная континуальность, совмещаемая с дискретностью, может реализовываться в такой конструкции, как парцелляция. Парцелляция рассматривается с разных точек зрения: синтаксической (конструкция экспрессивного синтаксиса), риторической (повышение экспрессивности речи), прагматической (актуализация интенций субъектов речи). Когнитивно-семиотическая концепция парцелляции [18] интегрирует все подходы, и в русле этой концепции можно представить эмотив как конвергенцию парцелляции и метафоры: *Тоска. Наваждение. Плен* (В. Костров). *Море терпенья. Берег забвенья. Бухта отчаянья. Последней надежды туманные острова.* (Ю. Левитанский). *Работа! Тоска! Чудотворство!* (Л. Владимиров). Парцелляция как выделяет эмоции, так и обеспечивает их совместность в условиях целостности восприятия чувственно-предметного мира: *Ведь в зазоре между радостью и отчаянием — / Тихо. Жутко* (Н. Матвеева).

Эмотивы в условиях расширения пространства звукосмысловых связей

В начале XX века эмоции активно осваивают паронимическое пространство стихотворных текстов. «Паронимические сочетания перестают быть фактом собственно звуковой организации стиха и становятся носителями смысловых связей» [19. С. 168]: печаль — плачет (А. Белый); дрожь — вторженье, гнетёшь — гнёшь, душа — душна, тоскливый — тусклый, терпенье — терпкое (Б. Пастернак); страсти — ярость (А. Блок); боль — былль (А. Твардовский); трепеща — отрепье (А. Тарковский); стон — стынет (В. Каменский); слабость — сладость (В. Луговской); старость — сотрясает (В. Орлов, Д. Кудрин). Паронимические сближения как способ смыслового представления эмоций представляют собой поэтому, проявленную в семантико-фонетическом комплексе: *Отдайте горесть мне, / Себе возьмите голос; Ты думаешь, что я из гордости / хожу, с тобою не дружу? / Я не из гордости — из горести / так прямо голову держу* (Б. Ахмадулина); ... *что тоской по страданью и страсти / ты была и пребудешь горда; —Где бы ты ни был — ты был, как луч в луче, / в горячем плаче на моём плече* (О. Седакова); *Вот круглая печать: «Прописан в океане». / Вот светлая печаль по дорогой земле, / по жителям её* (И. Шкляревский).

Звуковые связи в метафоре мотивируют образное сближение слов, и звуковая метафора получает статус поэмы: *баллада самообладанья* (Б. Пастернак), *гнев огня* (М. Волошин), *ритмы рыданья* (Ю. Левитанский), *ангел гнева* (А. Тарковский), *счастья сласть* (Т. Смертина), *облако боли* (О. Седакова), *гири горя* (А. Кушнер).

Заключение

Едва ли не все исследования, связанные с миром эмоций, начинаются с привычного «общего места» о сложности проблемы. Упрощения не предвидится: такова суть эмоций. «Эмоциональная картина мира» вполне справедливо пополнила реестр «картин мира», и, хотя эмоционально значимые явления мира вообще и мира текстов описаны во множестве работ, есть нужда в расширении эмпирической базы наблюдений и в их согласованности с теориями, сформированными в разных научных парадигмах. Ментальное и эмоциональное, эмоции и мысли неразделимы и в жизни, и в поэзии. Поэт всегда видит и понимает эмоцию особо, и способы передачи эмоционального опыта разнообразны. Очевидны возможности включения грамматической семантики в описание ментально-языкового пространства эмоций. Грамматические «рамки» эмотива согласуются с эстетическими и когнитивными установками лирического субъекта. Внимание к резервам грамматических форм в организации эмотивного события позволяет укрепить межуровневые связи в описании эмоций. Стратегия вовлеченности адресата в мир эмоций реализуется в вопросах, которые в поэзии имеют авторефлексивный характер. Картина мира — когнитивный феномен, и эмотивная метафора является носителем такого свойства. Показательны возможности метафоры быть средством глубинного познания эмоций, в том числе через аттрактивные связи между разными эмотивами. Звукосмысловые связи подтверждают коннотативно-ассоциативные возможности фоносемантики. Эмотивы в поэзии расширяют возможность доступа к когнитивной сфере человека, а поэма и остраннение, как апробированные практикой приемы описания художественного материала, способствуют рецептивности (повышенному состоянию восприятия) эмотивов разной природы.

Исследователи обращают внимание на наступление нового, постклассического, этапа в изучении эмоций, проявляющегося во внимании к эмотивным параметрам интернет-коммуникации, эмотивной составляющей лингвоэкологии и лингвоконфликтологии, эмоциональному взаимодействию в межкультурной коммуникации и др., и классические ориентиры, заложенные в трудах Л.А. Новикова, органично включаются в новые методологические и практические контексты.

Библиографический список

1. Новиков Л.А. Искусство слова. М.: Педагогика, 1982.
2. Феценко В.В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингво-эстетической теории // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. № 12(1). С. 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
3. Новиков Л.А. Структура эстетического знака и остраннение. Избранные труды. Т. II. Эстетические аспекты языка. М.: РУДН, 2001.
4. Новикова. М.Л. Креативный потенциал остраннения. Функционально-грамматический принцип изучения структуры остранненного знака // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2010. № 2. С. 19–27.
5. Швеца А. Остраннение как способ познания: проблемы и перспективы. Международный круглый стол «Удивление от текста: остран (н) ение в аспекте когнитивной прагматики» (МГУ, 29 марта 2021 года) // Новое литературное обозрение. 2021. № 5(171).
6. Темригазина З.К. Поэтема как инструмент анализа лирического текста в концепции Л.А. Новикова языка как искусства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 2. С. 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261>
7. Шаховский В.И. Эмоциональная картина мира в вербальной презентации // Мир русского слова. 2019. № 1. С. 35–43.
8. Ионова С.В. Лингвопсихология эмоций в концепциях современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2022. № 1(51). С. 26–39. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39>
9. Колядко С.В. Эмотивный анализ поэтического произведения // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 1(24). С. 45–51. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51>
10. Коржавин Н. Игра с дьяволом (По поводу стихотворения Александра Блока «К музе» // Поэзия: Альманах. Вып. 59. М.: Молодая гвардия, 1991.
11. Васильева А.А. Императивные высказывания — одна из форм репрезентации языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 1. С. 185–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195>
12. Милютина М.Г. Функциональная грамматика на службе поэзии (инфинитивное письмо в поэтических текстах Б. Ахмадулиной, И. Бродского, А. Кушнера) // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 276–288. <https://doi.org/10.17223/18137083/77/21>
13. Пантелева Г.В. Определение термина антиципация в отечественной психологии // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2019. № 8(174). С. 282–288.
14. Сидорова М.Ю., Липгарт А.А. Грамматика современной русской поэзии: линеаризация и синтаксические техники // Мир русского слова. 2018. № 3. С. 52–71.
15. Северская О.И. «Побудь со мной. Поговори со мной»: стратегии взаимодействия с читателем в современной поэзии // Коммуникативные исследования. 2020. № 7(2). С. 419–436. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(2\).419-436](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(2).419-436)
16. Федюнина Г.В. Местоимения в контексте когнитивной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2009. № 3. С. 124–128.
17. Киселева Л.А. Современная лингвистика эмоций: постклассический этап // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 2. С. 11–18.
18. Богоявленская Ю.В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 5–16.
19. Кожевникова Н.А. Звуковая организация стиха // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль: Общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990.

References

20. Novikov, L.A. (1982). *The Art of the Word*. Moscow: Pedagogika. (In Russ.).
21. Feshchenko, V.V. (2021). Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics. *Slovo.ru: baltic accent*, 12(1), 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1> (In Russ.).
22. Novikov, L.A. (2001). Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of language. Miscellanea. Moscow: RUDN publ. (In Russ.).
23. Novikova, M.L. (2010). The Creative Potential of Ostrannenie. Functional and Grammatical Principle of Ostrannenie Sing Structure Study. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 19–27. (In Russ.).
24. Shvets, A. (2021). Estrangement as a way of cognition: problems and prospects. International round table “Surprise from the text: ostran (n) in the aspect of cognitive pragmatics” (Moscow State University, March 29, 2021). *New Literary Review*, 5(171). (In Russ.).
25. Temirgazina, Z.K. (2022). A Poeteme as a Tool for the Analysis of a Lyrical Text in L.A. Novikov’s Concept of Language as Art. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 13(2), 249–261. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-249-261> (In Russ.).
26. Shakhovskiy, V.I. (2019). Emotional worldview of the in verbal presentation. *Russian Word World*, 1, 35–43. (In Russ.).
27. Ionova, S.V. (2022). Linguopsychology of emotions in the modern linguistics concepts. *Journal of Psycholinguistics*, 1(51), 26–39. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2022-51-1-26-39>. (In Russ.).
28. Kolyadko, S.V. (2021). Emotive analysis of a poetic work. *Verkhnevolzhskiy. Philological Bulletin*, 1(24), 45–51. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2021-1-24-45-51>. (In Russ.).
29. Korzhavin, N. (1991). Playing with the devil (About Alexander Blok's poem “To the Muse”). In: *Poetry: Almanac*. Iss. 59. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russ.).
30. Vasileva, A.A. (2021). Imperative Statements — one of the Forms of Representation of a Linguistic Personality. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 12(1), 185–195. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-1-185-195>. (In Russ.).
31. Milyutina, M.G. (2021). Functional grammar in the service of poetry (infinitive writing in poetical texts by B. Akhmadulina, I. Brodsky, A. Kushner). *Siberian Journal of Philology*, 4, 276–288 <https://doi.org/10.17223/18137083/77/21>. (In Russ.).
32. Panteleeva, G.V. (2019). Definition of the term anticipation in Russian psychology. *Scientific notes of the P.F. Lesgaft University*, 8(174), 282–288. (In Russ.).
33. Sidorova, M.Yu. & Lipgart, A.A. (2018). Grammar of modern Russian poetry: linearization and syntactic techniques. *The world of the Russian word*, 3, 52–71. (In Russ.).
34. Severskaya, O.I. (2020). “Stay with me. Talk to me”: reader interaction strategies in modern poetry. *Communication Studies*, 7(2), 419–436. (In Russ.).
35. Fedyunina, G.V. (2009). Pronouns in the context of cognitive linguistics. *Siberian Philological Journal*, 3, 124 — 128. (In Russ.).
36. Kiseleva, L.A. (2020). Modern linguistics of emotions: postclassical stage. *Philological sciences. Scientific reports of the higher school*, 2, 11–18. (In Russ.).
37. Bogoyavlenskaya, Y.V. (2018). Parcelling as a cognitive and semiotic phenomenon. *Tomsk State University Journal of Philology*, 55, 5–16. <https://doi.org/10.17223/19986645/55/1>. (In Russ.).
38. Kozhevnikova, N.A. (1990). Sound organization of verse. In: *Essays on the history of the language of Russian poetry of the XX century. Poetic language and idiostyle: General questions. Sound organization of the text*. Moscow: Nauka. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Синельникова Лара Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языкознания и коммуникативных технологий, Луганский государственный педагогический университет. *Сфера научных интересов*: лингвистическая поэтика, дискурсология, когнитивистика, стилистика, риторика; *e-mail*: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8140-5648; SPIN-код: 3053–7270

Information about the author:

Lara N. Sinelnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Linguistics and Communication Technologies, Lugansk State Pedagogical University. *Research interests*: linguistic poetics, discourse analysis, cognitive linguistics, stylistics, rhetoric; *e-mail*: prof.sinelnikova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8140-5648; SPIN-code: 3053–7270